

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-692-705

Научная статья / Research article

Не только ультраправые: какие партии занимают нишу культурного протекционизма в странах Евросоюза?

И.И. ПетровНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация

Аннотация. В фокусе внимания проблема межпартийной конкуренции в странах Европы на фоне подъема ультраправых партий. Целью исследования служит проверка гипотезы о том, что в европейской политике 2010-х многие партии умеренного толка стали использовать повестку ультраправых, конкурируя с ними на одном поле. Также мы хотели проверить, насколько профиль ультраправых един для стран ЕС. Для достижения цели исследования были использованы базы данных о позиционировании партий MARPOR (Comparative Manifesto Project) и CHES (Chapel Hill Expert Survey). В ходе исследования было выявлено, что консолидированное семейство ультраправых имеется лишь в странах Северо-Западной Европы, в то время как в странах Центрально-Восточной Европы повестка ультраправых и менее консолидирована, и регионально неоднородна. Среди мейнстримных конкурентов ультраправых в Северо-Западной Европе при этом доминировали консерваторы, в Центрально-Восточной – различные партии, включая социал-демократов. Полученные выводы подтвердили положения ряда исследований о серьезном влиянии ультраправых на мейнстримную политику. Одновременно с этим они ставят под сомнение традиционный подход, приписывающий ультраправый профиль лишь ультраправым партиям и игнорирующий как региональные различия, так и фактор пространственной конкуренции.

Ключевые слова: культурный протекционизм, ультраправые, партийные семейства, правый популизм, партийные размежевания, европейская политика, партийная конкуренция

Для цитирования: *Петров И.И.* Не только ультраправые: какие партии занимают нишу культурного протекционизма в странах Евросоюза? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 692–705. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-692-705

Not the Far-Right Only: Which Parties Occupy the Niche of Cultural Protectionism in the EU Countries?

I.I. Petrov

HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. In the 2010s many moderate parties in Europe began to use the agenda of the far-rights, competing with them on the same field. This article is devoted to the problem of inter-party

© Петров И.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

competition in European countries amidst the rise of far-right parties. We also intended to check if the far-right profile is the same for all EU countries. To achieve the goal of the study, we used two databases on party positioning – MARPOR (Comparative Manifesto Project) and CHES (Chapel Hill Expert Survey). The study revealed that the consolidated family of the far-rights exists only in the countries of North-Western Europe, while in the countries of East-Central Europe the agenda of the far-rights is less consolidated and regionally heterogeneous. The mainstream competitors of the far-rights included mostly conservatives in North-Western Europe, and various parties, including the Social Democrats, in East-Central Europe. The study confirmed the hypothesis about the serious influence of the far-rights on mainstream politics. At the same time, it questioned the traditional approach which attributes the far-right profile only to far-right parties and ignores both regional differences and the factor of spatial competition.

Keywords: cultural protectionism, far-right, party families, right populism, party cleavages, European politics, party competition, party systems

For citation: Petrov, I.I. (2021). Not the far-right only: Which parties occupy the niche of cultural protectionism in the EU countries? *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 692–705. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-692-705

Введение

На протяжении двадцатого века социально-экономическое право-левое размежевание играло ключевую роль в определении позиций партий относительно друг друга. С конца 1960-х, однако, сначала культурная трансформация в сторону открытых ценностей [Inglehart, Norris 2016], а позже и глобализация торговли [Hooghe, Marks 2018] внесли в структуру размежеваний, описанную в классических трудах Липсета и Роккана [Lipset, Rokkan 1967], ряд качественных изменений. Упадок классового и этноконфессионального голосования [Dalton 1996], сопровождавшийся ростом мобильности и преобразованием вертикальной структуры классов [Kitschelt, Rehm 2015], имел прямое воздействие на партийные системы стран Запада, толкая их к «разморозке».

Одним из последствий данных сдвигов, наблюдаемым на современном этапе, является возвышение партий с повесткой культурного протекционизма [Norris 2005] – защиты статус-кво национально-индустриального общества с уклоном в изоляционизм, популизм и возрождение архаичных дискурсов. Выразителем идей культурного протекционизма в политике стран Европы выступает семейство, обычно именуемое правопопулистами, но мы будем настаивать на определении ультраправых (far-right) в силу: а) отличия популизма как парадигмы борьбы «истинного народа» с «коррупцированной элитой» [Mudde 2013] от правого профиля [Макаренко 2018], характеризующегося национализмом [Осколков, Тэвдой-Бурмули 2018]; б) нишевого статуса данных партий, структурно отличающего их от партий правого мейнстрима.

Нишевой статус партии, характеризующейся опорой на радикального избирателя узкого профиля [Alzheimer 2009], дает возможность расшатывать имеющиеся коалиции через радикализацию политики [Abou-Chadi 2016], но в целом не позволяет подняться выше альянсов с мейнстримными партиями, находящимися в выгодном для сотрудничества [Vale 2003]. Проблема, к которой мы хотим обратиться далее, связана с явным разрывом между скромными

электоральными успехами ультраправых как главных носителей культурного протекционизма и очевидным подъемом правопопулистской риторики в 2010-е, захватывавшим крупные партии [Mudde 2019], но, вопреки последнему, не отражавшимся на повестке парламентов [Green-Pedersen 2019].

Традиционное объяснение, даваемое теорией пространственной конкуренции, исходит из того, что партии мейнстрима, становясь более консервативными под давлением миграционного кризиса, делают это лишь для защиты от ультраправых, и, идя на отказ от непопулярных решений, в целом выстраивают линию с расчетом на демонстрацию управленческой компетентности с опорой на традиционного избирателя [Adams et al. 2006]. Однако, если мы признаем рождение нового размежевания, объяснение может быть не таким простым – впрочем, для начала следует установить сам масштаб изучаемого феномена.

Гипотезы и общий дизайн исследования

Целью данной статьи служит проверка гипотез о том, что в европейской политике 2010-х многие партии умеренного толка стали прямо конкурировать с ультраправыми в использовании повестки культурного протекционизма. Для этой цели мы проанализируем данные о позиционировании партий 25 стран Евросоюза в поле нескольких размежеваний, выделим региональные паттерны ультраправых, а затем выясним, профили каких партий мейнстрима имеют заметное пересечение с данными паттернами.

Первая гипотеза нашей статьи, таким образом, заключается в том, что нишевые ультраправые партии будут демонстрировать качественные отличия от партий иных семейств относительно ряда параметров, связанных с культурным протекционизмом.

Чтобы проверить правильность первой гипотезы мы обратимся к данным MARPOR (Comparative Manifesto Project) – базе информации о позиционировании партий, основанной на контент-анализе их программ [Volkens et al. 2013]. Чтобы выразить нужные характеристики партий в MARPOR, мы создали несколько тематически репрезентативных индексов на основе его многочисленных переменных, включая индексы, отражающие частоту обращения к определенным темам в программе (табл. 1).

Культурный протекционизм в данных индексах выражен через профиль ультраправых партий, который, по мнению ведущих исследователей, должен включать в себя а) негативное отношение к евроинтеграции и миграции, положительное отношение к традиционализму и национализму; б) относительно слабое внимание к социально-экономическим вопросам при относительно сильном внимании к проблемам «культурного протекционизма». Следуя данной логике, мы сделали описательную статистику по данным параметрам для партий, отмеченных в MARPOR как ультраправые, после чего сравнили ее с результатами иных партийных семейств с целью подтвердить, что именно ультраправые – оплот культурного протекционизма в Европе.

Вторая гипотеза нашей статьи предполагает, что характеристики ультраправого профиля как маркера культурного протекционизма могут отличаться для разных европейских регионов. Чтобы проверить правильность второй гипотезы, мы разделили выборку стран по пяти субрегионам Европы – Северу, Западу, Югу, Востоку и Балканам. Данное разделение было проверено на валидность, по результатам чего число регионов сократилось до двух – Север–Запад–Юг и Восток–Балканы.

Третья гипотеза нашей статьи состоит в том, что, отталкиваясь от найденных региональных и страновых паттернов ультраправых, можно будет сформировать перечень умеренных партий, стоящих на позициях культурного протекционизма, приравняв к таковым партии, чей профиль пересекается с профилями ультраправых.

Таблица 1

Индексы MARPOR, использованные в анализе, и их аналоги в CHES

Индексы	MARPOR	CHES
EU	per108 – per110	eu_position
Right-Left	per401 + per402 + per407 + per414 + per505 – per403 – per404 – per406 – per412 – per413 – per504 – per701	irecon
Nationalism	per601 + per302 + per608 – per301 – per602 – per607	galtan, nationalism, ethnic_minorities, regions, multiculturalism
Migration	per602_2 + per607_2 – per601_2 – per608_2	galtan, immigrate_policy
Tradition	per603 – per604	galtan, social_lifestyle, religious_principles

Источник: составлено автором.

Table 1

Indexes of MARPOR used in the analysis and their analogy in CHES

Indexes	MARPOR	CHES
EU	per108 – per110	eu_position
Right-Left	per401 + per402 + per407 + per414 + per505 – per403 – per404 – per406 – per412 – per413 – per504 – per701	irecon
Nationalism	per601 + per302 + per608 – per301 – per602 – per607	galtan, nationalism, ethnic_minorities, regions, multiculturalism
Migration	per602_2 + per607_2 – per601_2 – per608_2	galtan, immigrate_policy
Tradition	per603 – per604	galtan, social_lifestyle, religious_principles

Source: made by the author.

Выборка и методология исследования

Для достижения цели исследования были использованы базы данных о позиционировании партий MARPOR (Comparative Manifesto Project) и CHES (Chapel Hill Expert Survey): определив контуры ультраправого профиля для нескольких регионов Европы путем сравнения описательных статистик, корреляционного и кластерного анализа, мы выделили 39 партий мейнстрима,

чь программы установки пересекаются с профилем ультраправых их региона. Объем выборки при этом составил 205 партий 25 стран Евросоюза в период с 2016 по 2019 год.

Методология исследования базируется на сочетании дедуктивных и индуктивных стратегий. Понятие культурного протекционизма с его отображением в пяти индексах MARPOR – EU integration, right-left, nationalism, traditionalism, migration, – является примером дедуктивного определения ультраправого профиля (табл. 1). В основе нашего метода, однако, лежит иной взгляд: стремление выявить схожесть позиций партии с профилем партий, маркированных в MARPOR как ультраправые, в конкретном регионе. Чтобы подтвердить, что за описательной статистикой стоят структурные связи, мы провели корреляционный и факторный анализы для выборок ультраправых по ключевым индексам. Также в качестве альтернативного метода классификации выборки мы применили иерархический кластер-анализ. Кластеризация полной выборки по дедуктивно выведенным индексам позволила удостовериться в валидности классификации партийных семейств MARPOR, а также выявить страновую специфику внутри регионов.

Выборка исследования включила в себя порядка 205 партий, из которых 24 были изначально отмечены как ультраправые, а 39 – выделены нами как конкурирующие с ультраправыми за одного избирателя (табл. 2).

Основным источником данных о партиях для нас выступил MARPOR. Между тем, поскольку методология контент-анализа, лежащая в его основе, не лишена недостатков [Benoit, Laver 2006], валидность результатов была также проверена через обращение к альтернативному проекту – CHES (Chapel Hill Expert Survey), построенному на методе экспертного опроса [Bakker et al. 2010] (табл. 1). Как итог, подобное сравнение позволило не только подтвердить валидность данных MARPOR, но и расширить список партий, тяготеющих к культурному протекционизму. Обратных случаев, когда данные CHES требовали исключения партии из списка, при этом не наблюдалось.

Результаты исследования

Основным результатом исследования стало формирование списка из 39 партий мейнстрима, конкурирующих с ультраправыми за одного избирателя, а также выделение западного и восточного типов ультраправого профиля (табл. 2).

А. Региональные профили ультраправых

В ходе исследования мы подтвердили, что повестка культурного протекционизма наиболее четко и системно выражается в профилях ультраправых, при том что четкий ультраправый профиль, описанный в литературе, имеется лишь в странах Северо-Западной Европы. Напротив, в Центрально-Восточной Европе данное партийное семейство неоднородно и продолжает эволюционировать, при этом в нем можно выделить две неравные группы партий. Первая из них примерно соответствует ультраправым Северо-Западной Европы, другой же тип отличают специфические региональные черты.

Таблица 2

Список партий (2016–2019), включающий ультраправых начальной выборки и партии мейнстрима, отмеченные как имеющие близость к ультраправому профилю (двух типов), кластер = схожесть позиций партий по MARPOR на основании кластер-анализа

Страна	Партии	Ультра-правые	Конкурирующие с ультра-правыми (западный тип)	Конкурирующие с ультра-правыми (восточный тип)	Кластер (MARPOR)
SW	Шведские демократы	+			5
	Умеренная коалиционная партия (кон)		+		5
	Партия центра (агр)		+		5
	Христианские демократы (хри-дем)		+		5
	Социал-Демократическая партия (соц-дем)		+		4
DEN	Датская народная партия	+			1
	Новые правые (5%<)	+			
	Либералы (либ)		+		5
	Консервативная народная партия (кон)		+		3
	Социал-демократы (соц-дем)		+		4
FN	Истинные финны				3
BE	Фламандский интерес				2
NE	Партия свободы	+			1
	Форум за демократию (5%<)	+			
	Народная партия за свободу и демократию (либ)		+		5
	Христианско-демократический призыв (хри-дем)		+		5
FR	Национальный фронт	+			3
	Республиканцы (кон)		+		5
IT	Лига Севера	+			5
	Вперед, Италия (кон)		+		5
SP	Вокс	+			2
	Народная Партия (кон)		+		5
GR	Независимые греки	+			5
	Золотая заря	+			5
	Новая демократия (кон)		+		5
POR	Снега (5%<)	+			
GER	Альтернатива для Германии				2
AUS	Австрийская партия свободы	+			1
	Австрийская народная партия (хри-дем)		+		5
UK	Укiр (5%<)				
	Консервативная партия (кон)		+		5
BUL	Объединенные патриоты	+			2
	Коалиция за Болгарию (соц-дем)			+	4
CRO	Мост независимых списков (кон)	+			
	Хорватское демократическое содружество (хри-дем)		+		

Окончание табл. 2

Страна	Партии	Ультра-правые	Конкурирующие с ультра-правыми (западный тип)	Конкурирующие с ультра-правыми (восточный тип)	Кластер (MARPOR)
CZ	Свобода и прямая демократия	+			4
	Коммунистическая партия Чехии и Моравии (лев)			+	4
	Чешская социал-демократическая партия (соц-дем)			+	4
	Гражданская демократическая партия (кон)			+	5
	ANO 2011 (либ)			+	5
	ХДС-ЧНП (хри-дем)			+	5
EST	Консервативная народная партия Эстонии	+			5
	Партия реформ (кон)		+		5
	Отечество (либ)		+		5
HUN	Фидес	+			1
	Йоббик	+			4
	Венгерская социалистическая партия (соц-дем)			+	4
LAT	Национальный альянс	+			5
	Кому принадлежит страна ?	+			5
	Новая консервативная партия (кон)		+		5
	Союз зеленых и крестьян (агр)		+		5
LITH	Порядок и справедливость	+			5
	Социал-демократическая партия Литвы (соц-дем)			+	4
	Избирательная акция поляков Литвы (этно)			+	4
POL	Право и справедливость	+			5
	Польская крестьянская партия (агр)		+		5
ROM	Партия народного движения (хри-дем)		+		5
	Социал-демократическая партия (лев)			+	4
SL	Мы – семья	+			5
	Народная партия – Наша Словакия	+			4
	Словацкая национальная партия	+			5
	Свобода и солидарность (либ)		+		5
	Курс – социальная демократия (соц-дем)			+	4
	Обычные люди (кон)			+	5
SLE	Национальная партия Словении (5%<)	+			
	Новая Словения (хри-дем)	+			
	Словенская демократическая партия (кон)	+			

Примечание. Плюсами отмечены характеристики соответствующих партий.

Источник: составлено автором.

Table 2

List of parties (2016–2019), including the far right parties of initial sample and the mainstream parties, appealing to the far right profile (two types), cluster = likeness of party position by MARPOR-based cluster-analysis

Country	Parties	Far right	Competing with far right (western pattern)	Competing with far right (eastern pattern)	Cluster (MARPOR)
SW	Sweden Democrats	+			5
	Moderate Coalition Party (con)		+		5
	Centre Party (agr)		+		5
	Christian Democrats (chr-dem)		+		5
	Social Democratic Labour Party (soc-dem)		+		4
DEN	Danish People's Party	+			1
	The New Right (5%<)	+			
	Liberals (lib)		+		5
	Conservative People's Party (cons)		+		3
	Social Democratic Party (soc-dem)		+		4
FN	True Finns				3
BE	Flemish Interest				2
NE	Party of Freedom	+			1
	Forum for Democracy (5%<)	+			
	People's Party for Freedom and Democracy (lib)		+		5
	Christian Democratic Appeal (chr-dem)		+		5
FR	National Front	+			3
	The Republicans (cons)		+		5
IT	League	+			5
	Go Italy (cons)		+		5
SP	Vox	+			2
	People's Party (cons)		+		5
GR	Independent Greeks	+			5
	Golden Dawn	+			5
	New Democracy (cons)		+		5
POR	Chega (5%<)	+			
GER	Alternative for Germany				2
AUS	Austrian Freedom Party	+			1
	Austrian People's Party (chr-dem)		+		5
UK	Ukip (5%<)				
	Conservative Party (cons)		+		5
BUL	United Patriots	+			2
	BSP for Bulgaria (soc-dem)			+	4
CRO	Bridge of Independent Lists (cons)	+			
	Croatian Democratic Union (chr-dem)		+		
CZ	Freedom and Direct Democracy	+			4
	Communist Party of Bohemia and Moravia (left)			+	4

The end of the table 2

Country	Parties	Far right	Competing with far right (western pattern)	Competing with far right (eastern pattern)	Cluster (MARPOR)
	Czech Social Democratic Party (soc-dem)			+	4
	Civic Democratic Party (cons)			+	5
	ANO 2011 (lib)			+	5
	Christian and Democratic Union – Czech People’s Party (chr-dem)			+	5
EST	Conservative People’s Party of Estonia	+			5
	Estonian Reform Party (cons)		+		5
	Pro Patria and Res Publica Union (lib)		+		5
HUN	Fidesz	+			1
	Jobbik	+			4
	Hungarian Socialist Party (soc-dem)			+	4
LAT	National Alliance	+			5
	Who owns the state?	+			5
	New Conservative Party (con)		+		5
	Greens’ and Farmers’ Union (green)		+		5
LITH	Order and Justice	+			5
	Lithuanian Social Democratic Party (soc-dem)			+	4
	Election Action of Lithuanian’s Poles (regional)			+	4
POL	Law and Justice (con)	+			5
	Polish Peasants’ Party (agr)		+		5
ROM	People’s Movement Party (chr-dem)		+		5
	Social Democratic Party (left)			+	4
SL	We Are Family	+			5
	Kotleba – People’s Party Our Slovakia	+			4
	Slovak National Party	+			5
	Freedom and Solidarity (lib)		+		5
	Direction-Social Democracy (soc-dem)			+	4
	Ordinary People (cons)			+	5
SLE	Slovenian National Party (5%<)	+			
	New Slovenian Christian People’s Party (chr-dem)	+			
	Slovenian Democratic Party (cons)	+			

Note. The pluses mark the characteristics of the respective parties.

Source: made by the author.

Таким образом, были подтверждены **первая** (показательность ультраправых в плане культурного протекционизма) и **вторая** (наличие весомых региональных отличий в ультраправом профиле) **гипотезы** нашего исследования.

Относительно профиля ультраправых Северо-Западной Европы нами было обнаружено, что лишь три из пяти исследованных параметров имеют сильную корреляцию между собой: национализм, антимиграционная повестка и неприоритетность экономических тем в программе. Наоборот, евроскептицизм и традиционализм являются хотя и важными, но не отличительными переменными для ультраправого профиля. Впрочем, при разложении традиционализма на переменные «религиозные принципы» и «стиль жизни» последний все же оказывается важным для ультраправых, в то время как первые – фундаментальны для их консервативных оппонентов.

Отличное от описанного выше содержание профиля ультраправых Центрально-Восточной Европы можно свести к сочетанию левой, реже – правоцентристской, социально-экономической повестки с выраженным национализмом. Ультраправые данного региона также несильно интересуются проблемой мигрантов и демонстрируют нейтралитет по отношению к ЕС, что, впрочем, никак не фиксируется на уровне корреляций.

Следует отметить, что для ультраправых Южной Европы, включенных в Северо-Западный кластер, была также выявлена общая черта с ультраправыми Востока – наличие обратной корреляции между их социально-экономической позицией и позицией парламентского большинства. Последнее, скорее всего, объясняется тем, что в этих регионах размежевания неэкономического характера еще недостаточно значимы, чтобы ультраправые могли обойтись без право-левой оппозиции традиционным правящим партиям.

Б. Страновые профили конкуренции с ультраправыми

Третья гипотеза, касающаяся тождественности списка партий, конкурирующих с ультраправыми за одного избирателя, с партиями, выражающими культурный протекционизм, заслуживает противоречивую оценку. Так, в Восточной Европе ряд левых партий, вступающих в конкуренцию с ультраправыми на экономической почве («восточный тип»), относится к культурному протекционизму нейтрально. Аналогично, многие консерваторы региона выражают культурный протекционизм не менее интенсивно, чем ультраправые, в отличие от Запада, где конкуренция ультраправых и консерваторов носит преимущественно пространственный характер [Шейн 2020].

Как показало исследование, набор партий, конкурирующих с ультраправыми, в Восточной Европе гораздо шире, чем в Западной (табл. 3), но необходимо отметить, что даже в рамках одного региона конфигурация отношений между ультраправыми и их конкурентами может весомо различаться от страны к стране [Сергеев 2020] (см. табл. 2).

Так, хотя в Северо-Западной и Южной Европе самой распространенной конфигурацией является конкуренция ультраправой партии с относительно близкими к ней консерваторами, в Нидерландах у ультраправых имеется два мейнстримных конкурента, в Швеции и Дании – три, включая социал-демократов, а в Бельгии, Германии и Финляндии – ни одного. Кроме того, следует помнить о том, что от усредненной повестки семейства могут иметься отличия в сторону правизны (Дания, Нидерланды, Австрия), левизны (Франция,

Финляндия), умеренности (Италия, Греция + страны Прибалтики) и радикализма (Швеция, Греция, Словакия). Большинство этих отклонений, однако, выражают именно страновую специфику, но не фундаментальные различия ультраправых [Правый популизм 2020].

Таблица 3

Распределение партий, обращающихся к повестке культурного протекционизма, между партийными семействами по субрегионам ЕС

Партийные группы	Субрегионы ЕС	
	Север, Запад, Юг	Восток и Балканы
Либералы	2 из 13	5 из 15
Консерваторы	6 из 9	5 из 10
Социал-демократы	2 из 15	6 из 13
Христианские демократы и аграрии	4 из 9	5 из 6

Источник: составлено автором.

Table 3

Redistribution of parties, appealing to the agenda of cultural protectionism, between the party families for the EU subregions

Party groups	The EU Subregions	
	North, West, South	East, Balkans
Liberals	2 of 13	5 of 15
Conservatives	6 of 9	5 of 10
Social democrats	2 of 15	6 of 13
Christian democrats and agrarians	4 of 9	5 of 6

Source: made by the author.

В Центрально-Восточной Европе, как мы считаем, единой конфигурации конкуренции между мейнстримными и ультраправыми партиями не существует. Так, распространенным вариантом является конкуренция ультраправой партии либо с социал-демократами (региональный тип), либо с правоцентристами (западный тип), при том что партий-конкурентов может быть несколько. Кроме того, для региона типичны заимствование ультраправого профиля мейнстримными правыми (Венгрия, Польша, Словения) и конкуренция между ультраправыми разного типа (Венгрия, Словакия) (см. табл. 2). Наконец, если для Северо-Западной Европы типично скорее отсутствие конкурентов у ультраправых (Германия), то для Центрально-Восточной – наличие мейнстримной партии с ультраправым креном без ультраправых конкурентов (Румыния).

Заключение

В данной статье мы постарались выяснить, действительно ли в 2010-е гг. многие европейские партии умеренного толка обратились к повестке культурного протекционизма, вступив в конкуренцию с ее основными носителями –

ультраправыми. В нашем исследовании мы обратились к теориям пространственной конкуренции и размежеваний, а также количественным методам с целью обойти ограничения описательного подхода, фиксирующегося на феномене правого популизма.

Как мы можем заключить, соответствующий сдвиг в 2010-е гг. действительно произошел, однако специфика региональных различий конкуренции с ультраправыми не позволяет нам сделать вывод, стоит ли за этим глобальный сдвиг размежеваний или пространственная конкуренция.

Так, в странах Северо-Западной Европы имеется четкий профиль ультраправых, оккупировавших поле культурного протекционизма, с которыми мейнстримные партии, очевидно, вынуждены вступать в пространственную конкуренцию. В странах Центрально-Восточной Европы, наоборот, семейство ультраправых находится в процессе эволюции: репрезентацию культурного протекционизма в них можно рассматривать и сквозь призму интеграции ценностного и право-левого размежевания [Hutter, Kriesi], и через центрально-периферийные отношения с ядром ЕС, способствовавшие заимствованию правопопулизма как технологии в условиях слабо консолидированной партийной системы [Макаренко 2015]. Только в Восточной Европе мы можем выделить крупные партии мейнстрима, по своему профилю максимально близкие к ультраправым Западной Европы: Мост Независимых Списков (Хорватия, консерваторы), Фидес (Венгрия, консерваторы), Право и Справедливость (Польша, консерваторы), Национальная Партия Словении (Словения, консерваторы) и Новая Словения (Словения, христианские демократы).

Также в ходе сравнения было обнаружено несколько стран, представляющих собой интересные аномалии: Швеция / Дания (почти все партии занимают националистические и антимигрантские позиции), Чехия (нечеткий профиль ультраправой партии делает ее конкурентами почти все партии), Словения (большинство партий – ультраправые), Румыния (нет ультраправых партий, но есть потенциальные конкуренты ультраправых), Испания (взлет ультраправой Вокс до уровня крупной партии за одни выборы).

Полученные выводы, таким образом, подтверждают положения ряда отечественных и зарубежных исследований о серьезном влиянии ультраправых на мейнстримную политику. Одновременно с этим они ставят под сомнение традиционный подход, согласно которому ультраправый профиль един, а ультраправые – монополисты в репрезентации TAN-ориентиров (традиционализм, авторитаризм, нативизм) [Hooghe, Marks 2018] в политике.

Поступила в редакцию / Received: 10.07.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

- Макаренко Б.И.* Популизм и политические институты: сравнительная перспектива // Популизм как общий вызов / отв. ред.: Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 27–36.
- Макаренко Б.И.* Партии и партийные системы: современные тенденции развития. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

- Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 3. С. 19–33.
- Сергеев Е.А. Экономические программы нидерландских правых популистов // Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности / отв. ред. Л.С. Окунева, А.И. Тэвдой-Бурмули. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2020. С. 104–121.
- Шейн С.А. Ответы европейского мейнстрима на вызовы правого популизма сквозь призму концепции стрессоустойчивости: случай Соединенного Королевства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 59–70.
- Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности / отв. ред. Л.С. Окунева, А.И. Тэвдой-Бурмули. М.: МГИМО-Университет, 2020.
- Abou-Chadi T. Niche party success and mainstream party policy shifts-how green and radical right parties differ in their impact // *British Journal of Political Science*. 2016. Vol. 46, No. 2. P. 417–436.
- Adams J. et al. Are niche parties fundamentally different from mainstream parties? The causes and the electoral consequences of Western European parties' policy shifts, 1976–1998 // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50, No. 3. P. 513–529.
- Arzheimer K. Contextual factors and the extreme right vote in Western Europe, 1980–2002 // *American Journal of Political Science*. 2009. Vol. 53, No. 2. P. 259–275.
- Bakker R. et al. Measuring party positions in Europe: The Chapel Hill expert survey trend file, 1999–2010 // *Party Politics*. 2015. Vol. 21, No. 1. P. 143–152.
- Bale T. Cinderella and her ugly sisters: the mainstream and extreme right in Europe's bipolarising party systems // *West European Politics*. 2003. Vol. 26, No. 3. P. 67–90.
- Benoit K., Laver M. Party policy in modern democracies. Routledge, 2006.
- Dalton R.J. Political cleavages, issues, and electoral change // *Comparing Democracies: Elections and voting in global perspective*. 1996. Vol. 2. P. 319–342.
- De Vries C.E., Hobolt S.B. When dimensions collide: The electoral success of issue entrepreneurs // *European Union Politics*. 2012. Vol. 13, No. 2. P. 246–268.
- Green-Pedersen C. The Reshaping of West European Party Politics: Agenda-Setting and Party Competition in Comparative Perspective. Oxford University Press, 2019.
- Hooghe L., Marks G. Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25, No. 1. P. 109–135.
- Hutter S., Kriesi H. (Ed.). European party politics in times of crisis. Cambridge University Press, 2019.
- Inglehart R.F., Norris P. Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash, 2016.
- Kitschelt H., Rehm P. Party alignments. Change and continuity // *The politics of advanced capitalism*. Cambridge University Press, 2015. P. 179–201.
- Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction. Free Press, 1967.
- Mudde C. Three decades of populist radical right parties in Western Europe: So what? // *European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52, No. 1. P. 1–19.
- Mudde C. The far right today. John Wiley & Sons, 2019.
- Norris P. et al. Radical right: Voters and parties in the electoral market. Cambridge University Press, 2005.
- Volkens A. et al. (Ed.). Mapping policy preferences from texts: statistical solutions for manifesto analysts. OUP Oxford, 2013. Vol. 3.

References

- Abou-Chadi, T. (2016). Niche party success and mainstream party policy shifts—how green and radical right parties differ in their impact. *British Journal of Political Science*, 46(2), 417–436.
- Adams, J. et al. (2006). Are niche parties fundamentally different from mainstream parties? The causes and the electoral consequences of Western European parties' policy shifts, 1976–1998, *American Journal of Political Science*, 50(3), 513–529.

- Arzheimer, K. (2009). Contextual factors and the extreme right vote in Western Europe, 1980–2002, *American Journal of Political Science*, 53(2), 259–275.
- Bakker, R. et al. (2015). Measuring party positions in Europe: The Chapel Hill expert survey trend file, 1999–2010, *Party Politics*, 21(1), 143–152.
- Bale, T. (2003). Cinderella and her ugly sisters: the mainstream and extreme right in Europe's bipolarising party systems, *West European Politics*, 26(3), 67–90.
- Benoit, K., & Laver, M. (2006). *Party policy in modern democracies*. Routledge.
- Dalton, R.J. (1996). Political cleavages, issues, and electoral change, *Comparing Democracies: Elections and voting in global perspective*, 2, 319–342.
- De Vries, C.E., & Hobolt, S.B. (2012). When dimensions collide: The electoral success of issue entrepreneurs, *European Union Politics*, 13(2), 246–268.
- Green-Pedersen, C. (2019). *The Reshaping of West European Party Politics: Agenda-Setting and Party Competition in Comparative Perspective*. Oxford University Press.
- Hooghe, L., & Marks, G. (2018). Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage, *Journal of European Public Policy*, 25(1), 109–135.
- Hutter, S., & Kriesi, H. (Eds.). (2019). *European party politics in times of crisis*. Cambridge University Press.
- Inglehart, R.F., & Norris, P. (2016). Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash.
- Kitschelt, H., & Rehm, P. (2015). Party alignments. Change and continuity. In P. Baramendi et al. (Eds.), *The politics of advanced capitalism* (pp. 179–201). Cambridge University Press.
- Lipset, S.M., & Rokkan, S. (1967). *Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction*. Free Press.
- Makarenko, B.I. (2015). Parties and party systems: modern tendencies of development. *Political encyclopedia*. (In Russian).
- Makarenko, B.I. (2018). Populism and political institutions: comparative perspective. Populism as common challenge. In B.I. Makarenko & N.V. Petrov (Eds.), *Political encyclopedia* (pp. 27–36). Moscow. (In Russian).
- Mudde, C. (2013). Three decades of populist radical right parties in Western Europe: So what? *European Journal of Political Research*, 52(1), 1–19.
- Mudde, C. (2019). *The far right today*. John Wiley & Sons.
- Norris, P. et al. (2005). *Radical right: Voters and parties in the electoral market*. Cambridge University Press.
- Okuneva, L.S., & Tevdoj-Burmuli, A.I. (Eds.). (2020). *Right populism: global trend and regional features*. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).
- Oskolkov, P.V., & Tevdoj-Burmuli, A.I. (2018). European right-wing populism and nationalism: revisiting the correlation of features. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 3, 19–33. (In Russian).
- Sergeev, E.A. (2020). Economic programs of Dutch right populists. In L.S. Okuneva & A.I. Tevdoj-Burmuli (Eds.), *Right populism: global trend and regional features* (pp. 104–121). Moscow: MGIMO-University. (In Russian).
- Shein, S.A. (2020). Responses of European mainstream to right-wing populism challenges from the perspective of the resilience concept: Case of the United Kingdom. *RUDN Journal of Political Science*, 22(1), 59–70. (In Russian).
- Volkens, A. et al. (Eds.). (2013). Mapping policy preferences from texts: statistical solutions for manifesto analysts. *OUP Oxford*, 3.

Сведения об авторе:

Петров Иван Игоревич – аспирант аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (e-mail: iip95@yandex.ru) (ORCID 0000-0003-3856-2503)

About the author:

Ivan I. Petrov – postgraduate at the Postgraduate School of Political Science in HSE University (e-mail: iip95@yandex.ru) (ORCID 0000-0003-3856-2503)